

ща, который уже овладел зданием для себя, и разговаривая с ними на своем отечественном языке. Но так как они пачали врываться толпами, особенно франки, которые не походили на других ни характером, ни внешностью, и хвалились тем, что они боятся только одного — чтобы не обрушилось на них небо, то венецианец советовал нам удалиться, из опасения, чтобы варвары нас не заковали в цепи, а женщины не обесчестили. Будучи прежде добрым другом и клиентом, а теперь в такое трудное время сделавшись союзником и защитником, он отвел нас в другое место, где жили знакомые нам венецианцы. Мы вышли в небольшом числе, венецианцы тащили нас за руки, как будто своих плешников; лица наши были печальны и одежды плохие.

3. Но когда мы снова пришли в ту часть города, из которой прежде бежали и которая досталась на долю франков, нас оставили все слуги, рассеявшись в разные стороны, и мы должны были посадить себе на плечи детей, которые не могли еще ходить. Грудного младенца пришлось нести на руках и так идти по всему городу. Дней пять спустя по взятии города мы пустились в дорогу в субботу. По-видимому, это последнее обстоятельство было не случайным, но волей Провидения. Тогда наступала зима, и время родов моей жены было уже близко. По словам Христа, следовало всегда молиться, чтобы наше бегство не начиналось в субботу и не пришлось бы зимой: «Горе в те дни беременным». Так как собрались взглянуть на нас друзья и родственники, то мы шли по закоулкам, подвигаясь кучей, как муравьи; нам попадались навстречу войска, дурно вооруженные; с боку на седлах висели мечи¹, а за поясом торчал нож. Одни были отягощены добычей, другие обыскивали проходивших пленных, не скрывается ли у них под рубищем драгоценная одежда и нет ли за пазухой золота или серебра. Иные пристально всматривались в красивых женщин, как бы желая их схватить для себя. Вследствие того, боясь за честь наших

женщин, мы поставили их в середине, как в овчарне, а девицам приказали вымазать себе лицо грязью, как они прежде покрывали его румянами, с тем, чтобы замазать яркий цвет лица; красота могла, как огонь ночью заманивает путника, привлечь к себе сначала зрителей, потом возбудить в них страсть и, наконец, понудить к похищению; а латины считали для себя все дозволенным.

Эта глава заканчивается большим отступлением по поводу рассказа, каким образом, несмотря на те предосторожности, какой-то варвар отнял дочь у одного старика, как наш автор вмешался в это дело и успел убедить похитителя возвратить свою жертву отцу.

4. Когда мы вышли из города, все возблагодарили Бога и с рыданиями оплакивали потерю имущества. Я же, пав ниц, вопрошал стены, к чему они продолжают стоять, почему они также не плачут и не обрушатся в прах! Если те, для кого вы построены, говорил я стенам, погибли от огня и меча, то к чему же вам долгие стоять? Кого после этого придется вам защищать и укрывать? Быть может, вы замышляете в день гнева Господня погубить наших врагов, когда Бог поднимет десницу на притеснивших нас и ногами попрет Запад, как о том пророчествовал Давид? И ты, о царица городов, обширнейший город, город великого царя (то есть Константина), скиния Всевышнего, гордость и хвала служителей его, утеха чужеземцев, повелительница повелительниц городов, песнь песней, почесь почестей и редкое зрелище редкостей, кто разлучит нас с тобой, как милых детей разлучают от их любимой матери? Что с нами будет? Куда обратимся? Чем утешимся, отлученные от твоей груди и исторгнутые из твоей утробы? Когда мы узрим тебя снова не такой, какова ты ныне, обширное пепелище, вдоль плача, попрапанная войсками, обращенная в ничто и поруганная, но прославленной и неврежденной, почитаемой даже теми, которые теперь угнетают и раздражают тебя, кормящей добрых людей и снабжающей богатства властителей, как то было в прежние времена?

¹ Из этого можно заключить, что автор принял за войско партии купцов латинских, которые следовали за главной армией.

Автор продолжает в том же духе, впадая все более и более в риторику, до самого конца главы.